

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Волфи Ландштрайхер; Апио Лудд; Ферал Фаун
Восстание™ на продажу
Критический взгляд на Грядущее восстание
2019

Скопировано 2019-06-13 с

<https://a2day.net/vosstanie-na-prodazhu-kriticheskij-vzglyad-na-gryadushhee-vosstanie/>, перевод с
<https://theanarchistlibrary.org/library/wolfi-landstreicher-apio-ludd-feral-faun-a-sales-pitch-for-the-insurrection>

ru.theanarchistlibrary.org

Восстание™ на продажу

Критический взгляд на Грядущее восстание

Волфи Ландштрайхер; Апио Лудд; Ферал
Фаун

2019

“продавцы меняют свой дискурс в соответствии с последними результатами исследований общественного мнения”

Можно легко разобрать Грядущее восстание предложение за предложением и показать, насколько это плохая книга, но на это не стоит тратить время. Но, после того, как Semiotext(e) опубликовал эту книгу на английском (дистрибьютором выступило MIT Press), она стала популярной, не только среди поклонников правого идиота Гленна Бека, который сделал ей бесплатную рекламу, когда стал критиковать ее в своем шоу, как опасную коммунистическую книгу, но и среди анархистов. Не знаю почему, ведь в одном Гленн Бек прав: Это книга не анархическая, она коммунистическая.¹

¹ Не анархистско-коммунистическая, не анархокоммунистическая; просто коммунистическая.

Кроме того, что бы там ни говорили Министр внутренних дел и прокурор по делу Тарнакской Девятки, эта книга не “пособие по терроризму,” ни “пособие по саботажу,” ни даже “пособие по организации восстания.” Пособие – это книга, которая дает инструкции, как что-то сделать. У нее есть полезное конкретное содержание. Здесь ничего этого нет, есть только продукт, который надо продать.

Даже предисловие демонстрирует отсутствие конкретного содержания. “Невидимый комитет” которому приписывается авторство этой книги, называет себя “вымышленным коллективом,”² составленным из участников, которые “не являются авторами книги,” они просто “записали” и “немного упорядочили общие места нашего времени.” Они собрали эти “общие места” из “трепа за столиками в баре и за закрытыми дверями спален” (28). У книги нет автора— так говорят нам ее авторы. Но это не мешает воображаемому Комитету, который неоднократно провозглашает свою приверженность коммунизму, поставить на книгу копирайт, то есть заявить об эксклюзивном праве частной собственности на этот текст. В конце концов, “Коммуне нужны деньги” (103), и, когда распространением занимается MIT Press, а Гленн Бек помогает с рекламой, этот воображаемый Невидимый Комитет “участников” и “составителей” наверняка получает неплохие деньги в виде гонораров.³

С содержанием в книге не очень, зато много плоских эмоционально нагруженных выражений, характерных для языка рекламы и политической пропаганды. Ты еще не

² Поддерживая идеологию обличения, которую продает эта книга, я решил говорить так, будто Невидимый Комитет – это субъект, который действует, а не просто имя, которое некоторые люди решили использовать. Я делаю это намеренно саркастически ...

³ Книга, очевидно, несколько часов пробыла в топе продаж на Amazon на следующий день после доноса Бека и продолжала оставаться-

добрался до оглавления, а в глаза уже бросаются эти слова: “Книга, которую вы держите в руках, стала главной уликой в антитеррористическом деле во Франции против девяти человек, которых арестовали 11 ноября 2008...” (5). Это можно было бы использовать, чтобы продемонстрировать, как государство осуществляет репрессии, показать, как мало доказательств того, что кто-то из арестованных принимал участие в написании книги, включая того человека, которого власти обвинили в том, что он помогал ее писать, или чтобы разъяснить, что это вообще не руководство ни для чего. Другими словами, можно бы из этого создать какой-то смысл. Но издателей это явно не интересовало. Они предпочли использовать арест Тарнакской Девятки и обвинения в написании книги как маркетинговый прием, они даже не погнушались искажением фактов: “выделить эту книгу, которую описывают как ‘пособие по терроризму,’ в написании которой их [Тарнакскую Девятку] обвиняют” (5; выделение наше). На самом деле в написании книги обвиняли только одного из них, Жюльен Купа (Julien Coupat), со-учредителя журнала Тиккин (Tiqqun).⁴ Основное обвинение против “9” было “преступное сообщество с целью террористической деятельности,” но, похоже, для американских издателей это обвинение — просто средство прорекламирровать книгу.

“Все согласны”

Невидимый комитет снабдил американское издание введением, озаглавленным “Момент истины.” Оно почти такое же бессодержательное, как и вся книга, но первые

ся бестселлером, все еще в в первых сотнях на сайте, который обрабатывает сотни тысяч названий.

⁴ Невидимый комитет повторяет эту ошибку в предисловии к американскому изданию на странице 17 таким образом, что это также вы-

два предложения явно предназначены для того, чтобы привлечь читателя. “Все согласны. Скоро будет взрыв” (9). Дальше ждешь чего-то захватывающего и интересного... Но в этом первом предложении есть кое-что еще. “Все согласны” – именно так Невидимый Комитет относится ко всему, что он “вложил” в эту книгу. Здесь все — рекламные лозунги, яростная политическая пропаганда, эмоциональные ультра-левые банальности. С другой стороны, если вы ищете серьезные аргументы, добротный теоретический анализ, исследование нынешнего состояния общества и как ему можно противостоять, то такого здесь нет. Зачем аргументы и теоретические поиски, когда “все согласны” (9 и 13) “все могут подтвердить” (40), “все чувствуют” (40) те “несколько необходимых истин” (28) которые записали составители текста? По крайней мере, нам сразу дают понять, что аргументов, анализа и объяснений не будет. Мы имеем дело с честными торгашами. Во введении ясно говорится о нескольких вещах. На с. 12, нам сообщают, “Революционные движения распространяются не посредством заражения, а посредством резонанса.” Далее — продолжение этой мысли “Восстание это не чума и не лесной пожар,” а скорее “похоже на музыку, ключевые моменты которой...способны навязать нам ритм своих вибраций” (12–13; курсив наш). В этих метафорах интересно не противопоставление, оно довольно вульгарное, а тот факт, что они даже не рассматривают возможность того, что мы можем сознательно стремиться организовать революционное движение или восстание путем целенаправленных действий. Они предпочитают использовать метафоры, которые говорят о том, что происходит с нами, а не о том,

глядит как попытка использовать дело Тарнакской девятки, чтобы придать достоверность книге, которая, как должно быть понятно даже ее составителям, не богата содержанием.

блокады и т. д. Люди, называющие себя радикалами, уже все это делают. Невидимый Комитет не предлагает ничего нового ни теоретически, ни практически, а то, что он предлагает, было сказано много раз и с гораздо большей содержательностью. Но Комитет, как хороший торговый представитель, говорит об этом так, чтобы мы чувствовали себя хорошо. Нам не о чем беспокоиться. То, что мы делаем, прекрасно. Все, что нам нужно сделать – это плыть по течению, отдаться истине коммуны, и Восстание™ придет к нам. Грядущее восстание продает идеологию хорошего самочувствия, которая освобождает нас от любой ответственности за нашу жизнь или наше восстание. Это пустая книга, не более содержательная, чем любая другая коммерческая реклама. Есть только два возможных оправдания для ее написания. Либо составители были действительно просто унесены “истиной” событий (может быть, эта истина состоит в том, что их коммуне нужны деньги?) И они ничего не могли с этим поделать – в этом случае они правы, что не называют себя авторами, но как люди выглядят довольно жалко. Или, как говорит L’Incomestible (“Неперевариваемый”, который также претендует на роль невидимого комитета), книга была просто патафизическим обманом...⁸ В любом случае, их Восстание™ это шутка.

⁸ Вы можете найти этот документ, La vérité sur “L’insurrection qui vient” ou les mésaventures d’un canular pataphysique, где содержится данное утверждение на <http://juralibertaire.over-blog.com/article-la-verite-sur-l-insurrection-quivient-ou-les-mesaventures-d-un-canular-pataphysique-38519292.html>. Неуклюжий английский перевод здесь <http://www.notbored.org/pataphysicaltruth.html>.

меня, конечно, нет возражений против таких способов выживания в современном мире Комитет не показывает, что такие действия являются чем-то большим и каким образом они связаны с восстанием. Если бы книга не называлась «Грядущее восстание», я бы предположил, что авторы ожидают «неизбежного краха» (105), который, как они говорят, ощущается повсюду. Но восстание не о том, чтобы выживать в нынешнем мире ведя маргинальный образ жизни; речь идет о нападении на этот мир с целью его разрушения. Проповедь мошенничества (103–105), самодельности (106–7) и «неформальной» экономики – это хорошо, если все, о чем вы говорите, – это как можно более легко прожить в этом мире, но если вы говорите об уничтожении этого мира и создании нового образа жизни, этих средств просто недостаточно.

Комитет также говорит нам, что путешествовать и общаться – это хорошо, если мы «осторожны, безобидны» (109). И все же он также рекомендует «нецивильность улиц». Учитывая, что в нынешнем мире такая «нецивильность» неизбежна, я не думаю, что у составителей был здесь какой-либо выбор. Тем более, что вся их теория основывается на том, чтобы «правда» событий неслас вас. Но есть и другая причина, по которой Комитет поддерживает такую «нецивильность»: «На самом деле гнев и политика никогда не должны были разделяться» (111), особенно когда вам надо продать якобы революционную политическую программу, какой бы скрытой она ни была. И Невидимый Комитет ясно сформулировал свою программу: исчезновение людей в «коммуне». Это их защищенное копирайтом восстание™.

Кроме того, составители «Грядущего восстания» пропагандируют саботаж, «невидимые» ночные акции, самооборону «коммун», продолжающиеся столкновения с полицейскими, альтернативные формы социального обеспечения,

что мы делаем. Это предположение – что мы, как личности, не являемся действующими лицами – проходит через всю книгу, и это само по себе уже означает, что она не может быть пособием. Какой смысл давать инструкции тем, на кого могут повлиять только резонансы и ритмы, которые им навязывают? Фактически, согласно составителям книги, восстание действует в точности как Империя, поскольку она тоже «ритм, который навязывает себя, способ раздавать и распространять реальность» (13). Эти абстракции, действия и отношения проходят через всю книгу как основные источники воздействия в мире. И действительно, может ли какое-то серьезное, важное содержание произойти от резонанса с навязанными ритмами подобной идеологии?

Этого отрицания личности в качестве действующего лица уже достаточно, чтобы сказать, что авторы не анархисты. На с.15, они ясно говорят нам о своей цели: «Везде необходимо разрабатывать новую идею коммунизма.» Вот оно. Они коммунисты, как и Тарнакская Девятка (см. с. 17). И как и мои знакомые коммунисты, они не особо задумываются об анархии и анархизме. Слово «анархист» (и его множественное число) встречается в книге всего четыре раза. Два раза оно используется в явно отрицательном, оскорбительном смысле (15 и 100); два раза достаточно нейтрально (116 и 120). Слово «анархия» встречается в одном предложении: «нас заставляют выбирать между анархией и страхом анархии» (130). В данном контексте не вполне ясно, что составители понимают под «анархией», но ясно, что они не имеют в виду общество, где индивиды берут свою жизнь и борьбу в собственные руки и создают их на своих собственных условиях; прежде всего потому, что нас «заставляют выбирать» и во-вторых, нам неоднократно дают понять, что по мнению составителей, «индивиды» ни на что такое не способны. Чем бы ни была эта

“анархия” это что-то, что нам навязывают. Это безусловно не анархия анархистов.

Это подводит меня к самой важной вещи, которую разъясняет введение. Для Невидимого комитета индивид является «фикцией». Комитет говорит нам: «фикция индивида разложилась с той же скоростью, с которой она стала реальной» (16). И если вы думаете, что они могли увидеть что-то положительное в этом «становлении реальным», все, что вам нужно сделать, – это пройти оставшуюся часть книги и прочесть «общие места» и «необходимые истины» об индивидуальности, с которыми составители сочли необходимым с нами поделиться книжники. На самом деле, если вы поверите этим составителям на слово, индивидуальность может показаться величайшим врагом коммунизма и восстания в современном мире. Слово «я» встречается в книге чаще, чем слово «государство», в шесть раз чаще, чем «капитализм», в четыре раза чаще, чем «класс», и почти все время употребляется в отрицательном смысле. Вариации слова «индивидуум» встречаются в три раза чаще, чем капитализм, и в два раза чаще, чем класс. Никогда, за исключением двух цитат, одной от судьи (38) и одной от полицейского (126), и в рекламном материале на странице 5, который издатели ставят перед оглавлением, не допускается какая-либо возможность действия со стороны отдельного индивида. Но если индивид – выдумка, как может быть иначе?

Само Грядущее Восстание начинается с пролога, который мало что может сказать. Лицемерный, скользкий язык, с помощью которого нам снова напоминают, что они просто разъясняют, что все знают, что все чувствуют, что все соглашаются ... наш «общий опыт», что у нас больше нет «какого-либо общего языка» (26). Хорошо, тогда почему Невидимый Комитет продолжает болтать об этом? Я бы предпочел называть его Невнятный Комитет. Но наряду

придется извинить меня, если в этом мире патриотизма и национализма, сталинизма и нацизма, религиозного, расового и этнического насилия я немного подозрительно отношусь ко всему, что «заставляет нас говорить, “мы”, кроме возможности соучастия между вами и мной. Если это и есть коммуны, я не проиграл. Но Комитету есть, что сказать. Если он представляет людей как фикцию, простое выражение социального отчуждения, он представляет коммуны как активных агентов, которые могут «принять то, что они есть», а не «составлены» внешними силами. Коммуны обладают способностью не бояться, «самоорганизовываться», «определять себя». Другими словами, Комитет предоставляет этим коммунам роль действующих субъектов, в которой он на протяжении всей книги отказывал отдельным лицам. Коммуна “стремится растворить вопрос о потребностях”, коммуна “стремится разорвать всю экономическую зависимость и все политическое подчинение”, при этом коммуна «вырождается в среду, как только теряет контакт с истинами, на которых она основана» (102). Фактически, “Коммуна – это основная единица партизанской реальности” (117; выделение добавлено). Невидимый Комитет провозгласил это совершенно однозначно. Человек ничто. Это коммуна действует, коммуна решает, коммуна принимает, коммуна не боится ... Но Комитет все еще не сказал нам, что такое коммуна. Это не случайно. Чем дальше я читаю вторую половину книги, тем яснее становится, что все это словоблудие действительно имеет цель: оно предоставляет модный язык для оправдания практики, которую радикалы почти всех мастей применяли в течение многих лет, но в которых некоторые из нас начали сомневаться. Таким образом, если «время коммуны ускользает от работы», то это потому, что «все коммуны имеют свои черные рынки» (103), включая «все виды торговли людьми», «махинаций», «мошенничества». Хотя у

моего восстания, восстания конкретных людей против социальных реалий, которые их порабощают, потому что такое восстание началось бы не с «истины, от которой мы не хотим отказаться», а скорее с сомнения в «истинах», которые были мне навязаны.

Пользуясь той же логикой, составители сообщают нам, что “все аффинити существуют внутри общей истины” (98). Другими словами, они основываются на общей деноминации самого низкого уровня, которую можно обнаружить в истине, не на общности стремлений или проектов, которые способствуют друг другу. Последнее для составителей было бы, конечно, слишком эфемерным. Если коллективные сущности, например, коммуны являются действующими субъектами, то тогда такой деноминатор самого низкого уровня необходим. Аффинити, основанным на общих стремлениях, мечтах и проектах отдельных личностей, не хватает постоянства, чтобы поддерживать существование этих коллективных сущностей. Но, еще раз, Невидимый Комитет заявил, что не мы совершаем действие, а действие осуществляет нас. Аффинити это не отношения, которые создают друг с другом отдельные личности, а что-то такое, что совершает с людьми общая истина. Я бы мог продолжить, но это становится утомительным.

“суть дерьма не в том, что оно ложное, а в том, что оно фальшивое” —Гарри Г. Франкфурт “О дерьме”.

После того, как Невидимый Комитет высказался против организаций и среды, он призывает нас «создавать коммуны». Они не объясняют, как или почему коммуна не является формой организации или более сплоченной среды. Они просто говорят: “Это то, что заставляет нас говорить “мы ” и делает это событием” (101). Комитету

с откровением о том, что он говорит «общими местами» (то есть использует банальности и клише), он также показывает, что его проект «политический», но «не имеет ничего общего с политикой». Эта скользкая игра слов начинается на странице 25, где Невидимый комитет старается не запутаться в различиях между «политикой» (плохо) и «политическим» (хорошо). Но трудно поддерживать такую осторожность с помощью такого рода жонглирования словами. На самом деле, в американском издании еще до того, как вы придете к различию между «политическим» и «политикой» («решительное отрицание» которой имеет «чисто политический характер»), вы узнаете во введении, что французские власти беспокоит грядущее восстание из-за «идеи политики» (17), которую оно выражает. Кроме того, на странице 111 Комитет заявляет, что «гнев и политику никогда не следовало разделять». Поэтому, очевидно, существует достойная форма политики, которую нельзя отрицать политически. Действительно, книга продвигает политическую повестку дня со своей «воображаемой партией», «партией восстания». И в ней столько же содержания, сколько в большинстве политических программ в наши дни.

«В команде нет Я»

Теперь переходим к самому аду. Следующая часть «Грядущего восстания» – это их транскрипция того, что мы все знаем об этом мире и с чем согласны, их наблюдения социального ада, в котором мы живем. Если бы я начал описывать ад этого мира, я бы начал с рассмотрения институциональных структур, которые составляют навязанную нам социальную реальность: государство, экономические структуры, работа, право, религия, семья, технологическая система и тому подобное. Но Невидимый Комитет думает иначе ... Его первая цель – «я», личность. Весь первый

круг посвящен атаке на индивидуальность, которая рассматривается как отчуждение. Тот факт, что именно здесь Комитет начинает раскрывать природу нынешнего социального ада, показывает, насколько это важно для его политической повестки дня. Для него «я» относится только к «предложению новейшего товара на рынке, заключительной стадии развития рекламы» (29). Таким образом, как это может не быть чем-то «неправильным», причиной пустоты и истощения? Я продолжал искать⁵ место, где Невидимый Комитет пойдет дальше, чем типичное, унылое левое неприятие индивидуализма и увидит реальных, конкретных, живых людей, вас и меня. Но такого там нет. Ни в первом круге, ни где-либо еще. На страницах 31–32 они дают понять, что не считают себя (или кого-либо еще) даже потенциальными создателями своей собственной жизни: Что я? Я всячески привязан к местам, страданиям, предкам, друзьям, любви, событиям, языкам, воспоминаниям, ко всем видам вещей, которые явно не принадлежат мне. Все, что связывает меня с миром, все составляющие меня звенья, все силы, которые составляют меня, образуют не идентичность, вещь, отображаемую по сигналу, а единое, общее, живое существование, из которого возникает – в определенные моменты времени и места – то существо, которое говорит «я». Наше чувство непоследовательности является просто следствием этой глупой веры в постоянство себя и того, что мы мало задумываемся о том, что делает нас тем, кто мы есть.⁶ «Я» в этом отрывке не создает само себя, не является действующей сущностью, использующей свое прошлое, свое настоящее окружение,

⁵ Я прочитал эту книгу четыре раза для более полного понимания и сбора цитат для этого обзора. Кроме того, я несколько раз просмотрел ее в поисках конкретных концепций.

⁶ Это одно из нескольких мест, где американские переводчики выбрали такие слова, которые скрывают полное значение оригинала.

ет; скорее, истина действует на меня, она агент, а я всего лишь его марионетка, движимая ее силой. Они уточняют: «Изолированный человек, который твердо придерживается истины, неизбежно встретит таких же, как он» (97–8). Другими словами, мы можем оставаться пассивными, катаясь на волне истины, которая несет нас, и эта абстракция неизбежно объединит нас. Нам не нужно действовать, нам не нужно брать на себя ответственность за наше существование.

Но что это за «истина», в которую верит Комитет? Это то, что создают события «изменяя наш способ существования». Но кто или что производит эти события? Этот вопрос вообще не рассматривается. Это просто события и истины, которые они порождают, и у нас с вами нет другого выбора, кроме как позволить себе принять эти истины. Штирнер назвал бы такие «истины» фиксированными идеями. Я бы назвал их идеологиями. Самое неопровержимое, что должен сказать Невидимый Комитет об «истине», это то, что «наоборот, любое наблюдение, которое оставляет нас равнодушными, не затрагивает нас, не обязывает нас к чему-либо, больше не заслуживает названия истины» (97).

Другими словами, истина определяется эмоциональной силой наблюдения, а не тем, имеет ли она какую-либо связь с конкретным миром, в котором мы живем. В свете методов Комитета и издателей, с которыми они работали, неудивительно, что истины, отстаиваемые этой коллективной не-сущностью, должны функционировать именно так, как должны функционировать рекламные объявления и политическая пропаганда – двигая нас, влияя на нас, привязывая нас к какому-либо продукту или причине, которая может увести нас, и заставить нас принять это как истину ... Комитет утверждает, что «каждый инсurreкционистский процесс начинается с истины, от которой мы не хотим отказаться». Таким образом, в их концепции нет

как он это здесь заявляет, то великая наглость с их стороны продолжать предлагать более тридцати пяти страниц стратегических решений, и поэтому неудивительно, что их инсurreкционистская стратегия столь же глупа, как и их анализ нашего общества. Составители сообщают нам, что «каждый акт правительства – не что иное, как способ не потерять контроль над населением». Это означает, что население всегда находится на грани выхода из-под контроля. Но за этим утверждением немедленно следует противоположное: «Мы начинаем с точки крайней изоляции, крайней слабости. Повстанческий процесс должен быть построен с нуля. Нет ничего менее вероятного, чем восстание, но нет ничего более необходимого» (96). Кажется, что в четверти дюйма пустого пространства между двумя абзацами это население, на которое правительство должно потратить всю свою энергию, чтобы его контролировать, вдруг исчезло. Неудивительно, что Комитет не может понять, как может начаться восстание. Он даже не может решить, есть ли население, находящееся на грани выхода из-под контроля, или мы начинаем в изоляции.

В любом случае составители продолжают предписывать, что мы должны «НАЙТИ ДРУГ ДРУГА». Как ни странно, эта глава не начинается с разговора о наших отношениях или о том, как мы можем найти друг друга. Он начинается с разговора об «истине». Я полагаю, это необходимо. Невидимый Комитет не хотел бы, чтобы мы забыли, что реальное действие заключается в абстрактных понятиях, а что может быть более абстрактным, чем это понятие «истины»? Чтобы удостовериться, что мы не делаем ошибок в этом вопросе, составители сообщают нам: «Истина – это не взгляд на мир, а то, что нас связывает с ним нередуцируемым образом. Истина – это не то, что мы держим, а то, что нас несет. Она создает и разрушает меня, составляет и уничтожает меня как личность ...» Я не тот, кто действу-

свои отношения и т. п., чтобы в каждый момент времени создавать и конструировать себя. Это «я» создают скорее связи и силы. Другими словами, «я», конкретный, живой дышащий человек, являюсь просто продуктом абстракции, потому что связи, которые не связывают двоих или более индивидов или вещей, это абстракция. Сила, которая не применяется сознательно конкретными живыми людьми, это абстракция. И вот политическая программа мнимой партии восстания, о которой говорит Невидимый комитет: «уничтожение гипотезы самости» (33), потому что «самость – это не нечто внутри нас, которое находится в состоянии кризиса ; это форма, которую они [эти восхитительные, абстрактные «они»] намереваются нам навязать» (33; выделено в оригинале). На самом деле, «лекарства и полиция являются единственными возможными формами примирения» в этом обществе не потому, что оно требует подчинения и подавления индивидуальности и бунта, а потому, что «повсюду гипотеза о личности рушится» (34). Даже политическая программа «уничтожения гипотезы самости» – это то, что уже происходит с нами в силу обстоятельств, а не то, что мы делаем. «Люди отдали всю свою силу» им ». Вы не можете бороться с системой, потому что без системы никто из вас не сможет выжить. Вы создали мир без альтернатив, и теперь ваш новый мир уже принадлежит «им»...» - Джанет Уинтерсон, «Каменные боги».

В редких случаях, когда Невидимый Комитет выходит за рамки фантастической игры слов и лозунгов, он просто имеет дело с симптомами, рассматривая их как причи-

Здесь мы читаем “единое, общее, живое существование” – достаточно странная фраза сама по себе. Но на французском языке это говорится: “une existence, singulière, commune, vivante”, то есть “единственное, общее, живое существование”. Я указываю на это, потому что на английском языке, где “singular” означает “уникальное, единственное в

ны. Поверхностность – обычное явление в том, что сходит за теоретические исследования, более того, она делает их модными. Однако это не означает, что здесь нет ничего интересного, по крайней мере, для разоблачения реальной повестки дня Невидимого комитета. Например, во втором круге “воображаемый коллектив” дает первое описание того, что делает государство.⁷ Они говорят о “безостановочной, бесконечной работе по индивидуализации, которую совершает государство, которое классифицирует, сравнивает, дисциплинирует и разделяет своих подданных с самого раннего возраста, оно инстинктивно разрушает все попытки солидарности, пока не остается ничего кроме гражданства – абсолютно мифическое чувство принадлежности к Республике” (36; выделено нами). Так, получается что нас индивидуализирует власть государства. Как? Классифицируя, сравнивая, дисциплинируя и разделяя нас, пока мы не станем всего лишь гражданами. Приняв что единственная индивидуальность это отчуждение, Невидимый Комитет не может обойтись без подобных абсурдных утверждений. Не ты создаешь себя как личность, а государство индивидуализирует тебя, определяя тебя в какую-то категорию (групповая идентичность, сравнение тебя с другими, что отрицает твою уникальность), дисциплинируя тебя (заставляя тебя соответствовать принятым им стандартам поведения) и разделяя тебя на эти категории, посредством насильственных сравнений. Эта

своим роде “, эта фраза является противоречием; “уникальное” и “общее” взаимно исключают друг друга, делая этот пункт бессмысленным.

⁷ В основном тексте “Грядущего восстания” государство упоминается только дважды перед этим, ссылка на “государство всеобщего благосостояния” в прологе и упоминание в примечании в прологе в странной ссылке на мафиозный “кодекс молчания”, который, кажется, не имеет никакого отношения к реальной деятельности мафии. В американском издании добавленное введение содержит три одинаково бессмысленных ссылки на государство.

делать» (89), нет необходимости давать реальную критику, основанную на глубоком рассмотрении социальной реальности, в которой мы живем. В конце концов, эти «устаревшие вымыслы Запада» сохраняются только «посредством ухищрений, которые пункт за пунктом противоречат этой фикции» (92). Эти фикции, которые поддерживают сами себя, несут в себе свое разрушение, так как хитрости, которыми они себя поддерживают, противоречат этим фикциям. Все, что нам нужно сделать, – это согласиться с процессом, который сама вымышленная социальная система создает своими противоречиями.

“Те, кто утверждает, что нашли решение, опровергаются почти сразу”

Скользя по поверхности семи кругов нынешнего социального ада, как они его видят, наши составители теперь говорят нам, что нам нужно делать. Поскольку они «больше не видят, как может начаться восстание» (95), я не уверен, зачем они тратят на это свое время. Но это дает им возможность и дальше развивать свою торговлю. Они, конечно, не согласятся со мной, что социальное восстание требует объединения отдельных восстаний (людей, бросающих вызов государственному и экономическому контролю над своей жизнью), поскольку они рассматривают людей как фикцию, навязанную государством. Но они также, кажется, игнорируют историю социальных восстаний. Если большинство беспорядков не стали социальным восстанием, каждое социальное восстание начиналось с беспорядков. Но, учитывая то, как решительно Невидимый Комитет отвергает концепцию индивидуальной человеческой деятельности, возможно, он просто говорит, что не может понять, какая историческая сила вызовет восстание сейчас. В любом случае, если Комитет столь же невежественен,

чисто гипотетической природе цивилизации в настоящем: «Цивилизация – это не абстракция, нависающая над жизнью. Это то, что правит, овладевает, колонизирует самое банальное, личное повседневное существование. Это то, что объединяет, то, что является самым близким и то, что является самым общим» (86–7). Это яркий пример обожествления, на которое опирается Невидимый Комитет, пытаясь понять мир. Составителей полностью ослепляет тот факт, что это всего лишь «абстракция, нависающая над жизнью», другими словами, подобно преследующему нас призраку, цивилизация «правит, овладевает, колонизирует... удерживает вместе» все, что угодно. Конкретно, особые люди – действующие в рамках институциональных структур, которые они создают и поддерживают посредством нашей отчужденной деятельности и силы – правят, вступают во владение, колонизируют и удерживают вместе. Как говорили некоторые революционные анархисты, у наших правителей и колонизаторов есть имена и адреса ... Это не гипотезы и не абстракции, а конкретные люди, которые сделали себя врагами всех тех, кто хотел бы создать свою жизнь на своих собственных условиях. Понимание социального порядка, основанное на ограниченной мысли, может быть только запутанным и запутывающим. Таким образом, неудивительно, что всего несколько предложений спустя можно найти бессмысленную чепуху, подобную этой: «Чем старше и мощнее государство, тем меньше оно является надстройкой или экзоскелетом общества и тем больше оно составляет субъективность людей, которых оно представляет. Французское государство является самой текстурой французских субъективностей, формой, принятой многовековой кастрацией своих подданных» (87). Конечно, «абсолютно риторическая критика». Но я полагаю, что, поскольку «эпоха государств, наций и республик подходит к концу» и «государство больше не может ничего

ложная, полностью контролируемая индивидуализация сводит каждого человека к функции гражданина. Подобно новоязу в Оруэловском 1984, это (выражаясь старым языком) дерьмо. Точнее говоря, левацкое дерьмо, та самая старая, всем надоевшая левая критика индивидуализма, которую мы слышим не одно десятилетие. Самое грустное, что это самый глубокий анализ государства, который можно найти в этой книге, и этот анализ ложный, поверхностный и анти-анархический.

Предположим, что государство уже в прошлом, в крайнем случае оно «раненый», но «все еще опасный» зверь (130), определенно разрушающийся, ослабевающий до такой степени, что он «больше ничего не может делать» (89), так что участники движения могут испытывать «трогательную ностальгию по государству» (68). Согласно Невидимому Комитету, поскольку история, кажется, сметает государство с пути, зачем тратить время на то, чтобы понять, что такое государство и как оно работает? Государство, а не индивид, рассматривается как живое существо (даже если оно теперь предположительно находится в муках смерти), которое действует на нас. Но когда вы будете искать государство, вы не найдете эту вещь. Вы найдете здания, униформу, документы, оружие и различные другие объекты; сами по себе они не составляют государства. Они приобретают значение как инструменты государства только через конкретные действия и отношения людей, взаимодействующих друг с другом особыми, институционализированными способами. Государство не исчезнет, оно не рухнет, пока люди продолжают общаться в этих институционализированных формах, отрицая свою способность создавать себя в каждый момент.

Если Невидимый Комитет не дает никакого анализа государства, то, как они относятся к семье, на самом деле довольно забавно. К концу второго круга в американском

издании вы найдете следующие слова: «Мы рассчитываем сделать то, что безоговорочно в наших отношениях, доспехом политической солидарности, столь же непроницаемым для вмешательства государства, как цыганский лагерь. Нет никаких причин, по которым бесконечные субсидии, которые многочисленные родственники вынуждены переложить на свое пролетаризованное потомство, не могут стать формой патронажа в пользу социальной подрывной деятельности» (42). Очевидно, что мы все выживаем в этом мире, как можем, но есть что-то абсурдное в утверждении, что проживание за счет стипендии от ваших родителей может стать основой для глубокой солидарности или «покровительствовать подрывной деятельности». То, что мы делаем для выживания, это просто то, как мы добываем средства в существующем мире. Проживание на средства родителей не подрывает семейные отношения. Оно не трансформирует и не разрушает существующий мир. Это просто означает, что вам повезло иметь под рукой средства, позволяющие избежать получения работы, а у других такой возможности нет. Я надеюсь, что вы бы воспользовались этой удачей для разрушения существующего порядка, но само по себе это просто еще один способ выживания.

Невидимый Комитет столь же поверхностен в том, как он рассматривает работу. Составители говорят нам: «понятие работы всегда включало в себя два противоречивых измерения: измерение эксплуатации и измерение участия» (45). Это поверхностное подтверждение диалектики Маркса, используемой для оправдания ужасов индустриализации. Для Маркса исторически была необходима ужасная эксплуатация, которую промышленники навязывали рабочим через фабричную систему, потому что она объединяла рабочих в ситуацию объективно общественного производства. Таким образом, это сделало бы коммунизм возмож-

неисправностей и коротких замыканий. На том же уровне «что делает кризис желательным, так это то, что в кризис ... [мы] вынуждены восстанавливать контакт... с тем, что есть, чтобы заново открыть ритмы реальности» (82). Опять же, мы не можем просто решить восстановить такой контакт; кризис, внешнее событие должно навязать это нам.

Я не буду тратить время на то, чтобы разорвать бредовую картину, которую рисуют нам составители, описывая клинику «Общая земля» в Новом Орлеане, и их еще более абсурдную картину «радости без гроша в окрестностях Нового Орлеана до катастрофы, их неповиновения государству и широко распространенная практика использования того, что доступно» (84), но, прожив в нескольких из этих районов Нового Орлеана, я могу сказать этим составителям, которые, очевидно, сами не без гроша, что нет никакой радости в крайней нищете среди изобилия (могут быть моменты радости, несмотря на бедность, но проведите достаточно времени среди этой бедности, и вы увидите отчаяние и депрессию), неповиновение государству в лучшем случае очень спорадично, а «обходиться тем, что доступно» – это то, что все бедные люди делают повсюду, не притворяясь, что это означает нечто большее, чем просто выживание. Если в книге есть отрывок, который наиболее отчетливо раскрывает классовую принадлежность его авторов, то именно этот. Эти составители происходят оттуда, где есть деньги, от родителей, чьи «бесконечные субсидии» могут финансировать их «социальную подрывную деятельность» и «дать им автономию». Бедные не идеализируют бедность.

В седьмом круге Невидимый Комитет сообщает нам, что «за одно столетие свобода, демократия и цивилизация вернулись к состоянию гипотез» (85). Я не уверен, что они когда-либо были чем-то большим, чем это, но Комитету достаточно одной страницы, чтобы полностью забыть о

какого-либо анализа того, что такое экономика и как она работает, Невидимый Комитет придерживается марксистских клише с саркастическими комментариями, но без всякого содержания. Невидимый Комитет, не желая всерьез заниматься государством, работой, экономикой или семьей, вместо этого направляет свое остроумие на вполне заслуживающие внимания явления «зеленой» политики и «зеленого капитализма». Это обеспечивает момент юмора в книге, но он посредственный. Как и остальная часть книги, ему не хватает содержания. Это тот самый сардонический комментарий, который вы, возможно, ожидаете услышать от хипстера в местном баре, а именно: «треп за барной стойкой». Нет необходимости тратить чернила или бумагу на такие поверхностные банальности. Возможно, самый смешной аспект этого целого раздела там, где Невидимый Комитет говорит нам, что «изобретатели нулевого роста – Римский клуб в 1972 году – сами были группой промышленников и бюрократов, которые опирались на исследовательскую работу, написанную кибернетиками в MIT»- то в самом институте, который распространяет авторизованный английский перевод «Грядущего восстания».

“абсолютно риторическая критика индивидуализма неудачно совмещенная с наиболее оголтелым цинизмом”

В шестом круге (окружающая среда), «неисправности и короткие замыкания системы» – это то место, где мы находим «элементы ответа, чья логика заключается в устранении самих проблем» (81). Не в нашем собственном восстании против системы. Но тогда, если будут устранены проблемы системы, а не сама система, наше умышленное восстание может разрушить слишком много. Лучше позволить системе устранить свои собственные проблемы из-за

ным, в конечном итоге неизбежным. Как и большинство современных коммунистов, составители из Невидимого Комитета не столько марксисты, сколько постмарксисты. Из того, что я понял, что постмарксисты действительно сделали (в отличие от того, что они утверждают), это избавление марксизма от его телеологии. Они сохраняют язык и детерминистскую метафизику, но больше не убеждены, что есть какой-либо гарантированный конец. Невидимый Комитет хорошо это отражает.

В тех поверхностных соображениях о работе, которые излагает Невидимый Комитет абсолютно отсутствует понятие отчуждения. Чтобы указать на отчуждение, присущее работе в том виде, в каком она существует в этом обществе, потребовалось бы четкое и конкретное понимание отчуждения, и это противоречило бы неоднозначной программе, которую продает эта книга. Работа в социальном мире, в котором мы с вами находимся, – это отчуждение времени, деятельности и сил человека от него самого. Другими словами, это институционализация процесса, в котором то, что вы делаете, то, что я делаю, и то, что мы делаем вместе, определяется силами (индивидуумами, социальными структурами и т. д.) вне нас самих, чтобы служить интересам этих сил. В качестве компенсации мы получаем то, что нам нужно, чтобы выжить, и, возможно, некоторые дополнительные блага, чтобы держать нас в покое. Если бы Невидимый Комитет рассматривал отчуждение конкретным образом, он был бы вынужден увидеть, что коллективный характер работы, основанный на участии, который существует в нынешнем обществе, превращает мою деятельность в общую деятельность, навязываемую моей жизни и моему времени, и именно это представляет собой мое отчуждение. Но поскольку «я» – просто выдумка, это не имеет значения. Только общее является реальным и желанным, к чему стремится восстание Невидимого Коми-

тета, которое «торжествует как политическая сила» (130). Вот почему отчуждение так мало важно для составителей, что оно упоминается в книге только один раз (16), во введении, добавленном в американское издание. Возможно, Невидимый Комитет заметил, что это слово часто используется в более радикальных текстах из США, поэтому они добавили его в свой ассортимент – задним числом.

После “Я”, следующим главным врагом, согласно Невидимому Комитету, является метрополия. Как обычно, наши составители решили рассматривать симптом как причину, поэтому они не могут не быть поверхностными, делая совершенно бессмысленные заявления, такие как «нет такого понятия, как мегаполис» (52). На самом деле, наиболее интересной частью их отношения к мегаполису является признание того, что во многих городских районах лачуги и трущобы являются «последними живыми и пригодными для жизни районами» (59). Невидимый комитет имел здесь возможность выяснить, почему это так, но упустил эту возможность, предпочитая продолжать делать пустые банальные заявления. Опять же, я подозреваю, что это потому, что нужно было бы взглянуть на возможности, которые существуют в начинаниях отдельных личностей. Многие из тех, кто живет в трущобах, не имеют постоянной работы. Если им не хватает денег, большая часть их времени принадлежит им. Это дает людям возможность заниматься творчеством самостоятельно или вместе с другими, чтобы они могли создавать свое собственное жизненное пространство из всего, что они могут собрать. Но опять же, индивид поднимает голову как конкретная реальность, а не как государственная фикция, а это не соответствует идеологии Невидимого Комитета. Составители продолжают обходить идею о том, что в мире действуют люди, и, наконец, говорят нам, что «мегаполис также производит средства своего собственного уничтожения» (61). Это

именно то, что Маркс сказал о капитализме, и окончательное сообщение остается тем же: мы с вами не приведем к краху метрополии; это сделают ее собственные силы. Социальные конструкции, отношения, абстракции – вот то, что оказывает влияние и действует в мире. Не ты, не я; мы просто должны отдаться на волю обстоятельств. Это выглядит как довольно пассивное восстание.

В пятом круге, где не-авторы этой книги говорят об экономике, они наконец предлагают объяснение поверхностности, которая пронизывает книгу: «общая нищета становится невыносимой, как только ее показывают такой, как она есть, чем-то безпричинным» (65). Почему это само по себе внезапно сделало бы ее невыносимой, не ясно. Но это заявление ясно дает понять, что Невидимый Комитет считает, что эта «нищета», то есть экономика, – «вещь без причины». Поэтому анализировать или объяснять нечего. Нет причин пытаться смотреть сквозь поверхность, смотреть за пределы симптомов. Проблема в том, что если единственное, что делает «общую нищету» нетерпимой, – это отсутствие какой-либо причины, то все, что необходимо для того, чтобы она снова стало терпимой – это чтобы власти нашли убедительные причины. Поскольку существуют реальные причины и у них есть свои причины, они хорошо научились делать именно это.

Но если революционеры решают глубже изучить эти реальности, понять причины, они просто «делают то, что всегда делали религии: дают объяснения» (65). Вот неожиданная новость. Некоторые из нас, кто воспитывался с религией, видели, что она используется для чего-то совсем иного: для подавления нашего желания найти реальные объяснения. «Пути господни неисповедимы» для меня не так уж отличается от «вещи без причины». В обоих случаях нам говорят, что мы должны отказаться от попыток заглянуть в мир, в котором мы живем. Таким образом, вместо